

ПОДВИГ ПАРТИЗАНКИ

Штаб Рогнединской партизанской бригады разработал несколько диверсий на железной дороге, вдали от партизанской базы. На одну из них отправлялась группа минеров во главе с Павлом Рубаненко.

Нагруженные взрывчаткой, автоматными и пулеметными дисками, увешанные подсумками с гранатами, партизаны толпились у землянки в ожидании командира, который получал инструктаж у начальника диверсионной службы старшего лейтенанта Владимира Климова.

Комиссар отряда Василий Дмитриевич Иванов решил еще раз повидать Шуру Аксенову, которая шла с группой, и попытаться отговорить ее от похода. Шура являлась его женой. Создавать для нее какие-то привилегии было не в его характере, да и Шура никогда не пыталась воспользоваться положением мужа. Она наравне со всеми ходила в разведку, принимала участие в боях. Но на этот раз Иванов решил оставить жену в лагере, потому что она ждала ребенка и уже было принято решение эвакуировать ее на Большую землю.

Иванов вспомнил первое с ней знакомство, дни, проведенные в хате Полины Кузьминичны, когда лежал раненым. Из рассказов он узнал, что своей жизнью обязан Шуре. Если бы не она, наверняка погиб бы от потери крови в обвалившемся блиндаже. Но не только это сблизило его с девушкой. Была она жизнелюбивая, смелая, находчивая, не по возрасту развитая. Ему казалось, что все, что может быть хорошего в человеке, сосредоточено в Шуре.

Старик Аксенов тоже считал, что у него растет дочь не такая, как у других. С охотой бралась за любую мужскую работу, ездила в лес с отцом заготавливать дрова, гоняла с ребятами в ночное колхозных лошадей, а когда впервые увидел ее на велосипеде, то даже остановился от изумления: «В кого она удалась такая?» А ей хотелось мчаться, лететь так, чтоб дух захватывало. Однажды Шура призналась матери, с которой всегда делилась сокровенными мыслями: «Хочу летчицей быть, как Полина Осипенко».

Летчицей она не стала, а поступила на заочное отделение Жиздринского педагогического техникума, Шура любила детей, и они всегда роем кружились возле нее.

Началась война, вместе с юношами и девушками деревни Александра пошла на строительство укреплений. Вражеские самолеты часто обстреливали работающих из пулеметов, забрасывали бомбами. Приходилось трудиться ночью, при свете луны. В руководители ее никто не назначал, но получилось так, что именно она оказалась во главе группы жителей своей деревни. Ее слушались, с ней советовались.

В партизанском отряде Иванов сделал Шуре предложение. Она с радостью его приняла. Небольшую, скромную свадьбу сыграли в декабре сорок первого. Потом были тяготы партизанской жизни: бои и походы.

...Через неделю подрывники возвращались. Был пущен под откос вражеский эшелон с техникой. Путь оказался трудным. Когда объявлялся привал, партизаны, как подкошенные, валились с ног.

В походе Шуре было тяжело вдвойне, но она и виду не подавала, что устала.

– Может, зайдём, отдохнём? – предложил товарищам Рубаненко при подходе к деревне Косеват. Все обрадовались. До базы оставалось около семидесяти километров. Решили зайти к тетке Шуры.

Та встретила их радостно. Затопила печь, наварила картофеля, Партизаны с жадностью набросились на еду, А в это время предатель спешил в Глуховку, где находился карательный отряд...

Внезапно на деревню налетели гитлеровцы. Они знали, в какой хате расположились партизаны. Завязался жестокий бой восемнадцати народных мстителей с сотней карателей.

Шура упала за угол крайней избы и очередью из автомата прижала к земле группу гитлеровцев, пытавшихся отрезать путь к лесу. Отстреливаясь, мимо бежали партизаны, а она стреляла и стреляла, не позволяя карателям подняться.

– Шура, отходи! – Алексей Лалаков на ходу послал очередь из автомата в сторону залегшей цепи.

– Беги, я догоню. – Ответила Александра, меняя диск автомата.

Выбрав удобный момент, она вскочила на ноги и побежала. До леса оставалась сотня метров. Вдруг что-то сильно ударило по ногам. Девушка упала, попыталась подняться, но жгучая боль резанула по телу. Пересиливая ее, добралась до противотанкового рва и, истекая кровью, снова начала стрелять.

Поединок отважной партизанки с группой фашистских головорезов продолжался. Кончились патроны в диске автомата. Шура достала пистолет и продолжала стрелять. Надежды на спасение не было. Она нажимала на курок спокойно, считая выстрелы. Вот уже остался последний патрон в обойме. Девушка взглянула на голубое небо, на лес, куда ушли ее боевые товарищи, на деревню. Фашисты приближались.

– Не сбылась наша мечта. Васенька! Отомсти за мою смерть. – Шура приложила к виску пистолет...

Бой затих. К противотанковому рву подошел немецкий офицер и остановился пораженный увиденным. На сверкающем белизной снегу лежала девушка в окровавленных валенках и расстегнутом полушубке. Повернутое в сторону лицо было спокойно и безмятежно, словно она спала.

Офицер в недоумении посматривал то на Шуру, то на трупы своих солдат. Потом взял из окоченевшей руки девушки пистолет, вынул обойму: она была пуста, еще раз взглянул на партизанку, и не спеша зашагал к хате, где остановился командир карательного отряда.

– Из этого пистолета партизанка застрелилась, – доложил он.

– Странно. Непонятный народ. Какие-то фанатики, – ответил тот.

Каратели уехали. Местные жители похоронили отважную партизанку на небольшой возвышенности в деревне Косеват.

Позже ее прах был перезахоронен и покоится ныне в д. Ивановка.

В.Коваленко